

Глава первая

Наука делать выводы

Шерлок Холмс взял с каминной полки пузырек, вытащил из аккуратного сафьянового чехла шприц, длинными белыми нервными пальцами приладил тонкую иглу и закатил рукав на левой руке. Какое-то время он задумчиво смотрел на свое мускулистое предплечье, густо покрытое крохотными следами от прежних уколов, потом ввел иглу в вену, надавил на маленький поршень и с долгим удовлетворенным вздохом откинулся на спинку бархатного кресла.

Уже много месяцев три раза в день я был свидетелем этого действия, даже привык, но ни в коем случае не смирился. Напротив, пагубная привычка моего друга раздражала меня все больше и больше, мысль о том, что мне не хватает решительности протестовать, не давала мне спать спокойно. Сколько раз я обещал себе поговорить с Холмсом начистоту, но что-то в его характере, какая-то особенная бесстрастность, невозмутимость делала его человеком, в обращении с которым ни о каких вольностях не могло быть и речи. Его огромный талант, безупречные манеры и прочие многочисленные достоинства, с которыми я был знаком не понаслышке, заставляли меня чувствовать неуверенность в себе и отбивали охоту вступать с ним в спор.

Не знаю, что подействовало на меня в то утро, то ли лишний бокал бургундского за завтраком, то ли приступ отчаяния, но я вдруг почувствовал, что больше не могу сдерживаться.

— Сегодня у вас что? — спросил я. — Морфий или кокаин?

Холмс оторвался от старой, набранной готическим шрифтом книги и вяло поднял на меня глаза.

— Кокаин, — сказал он. — Семипроцентный... раствор*. Не хотите попробовать?

— Благодарю покорно, — резко сказал я. — Мой организм еще не окреп после Афганистана, лишние нагрузки ему ни к чему.

Моя горячность его рассмешила.

— Возможно, вы и правы, Ватсон, — улыбнулся Холмс. — Наверное, вещество это имеет пагубное физическое воздействие. Однако при этом происходит такая мощная стимуляция и очищение мозга, что побочные эффекты можно не принимать во внимание.

— Но подумайте только, — вскипел я, — какую цену вы за это платите! Может быть, мозг ваш, как вы говорите, и приходит в возбужденное состояние, но в организме-то от этого происходят неестественные, нездоровые процессы, в том числе и усиление обмена веществ, что в конце концов может закончиться постоянным упадком сил. А о том, какая потом наступает реакция, вы забыли? Нет, игра эта не стоит свеч. Ради минутного удовольствия вы рискуете навсегда утратить свой великий дар. Помните, сейчас я говорю не только как друг, но и как врач, который в некотором роде отвечает за ваше здоровье.

Холмс нисколько не обиделся. Наоборот, с видом человека, расположенного к разговору, он соединил кончики пальцев и уперся локтями в ручки кресла.

— От долгого простоя, — сказал он, — мой мозг восстает. Дайте мне загадки, предоставьте работу, найдите самые сложные шифры или самые запутанные головоломки, и я окажусь в своей стихии. Тогда мне больше не понадобятся искусственные стимуляторы. Но скучное размеренное суще-

---

* Знаком * отмечены места, поясняемые в комментариях в конце книги.

ствование я ненавижу. Мой мозг требует работы. Именно поэтому я и выбрал себе такую профессию... Вернее, создал ее, поскольку во всем мире я такой один.

— Единственный на весь мир частный детектив? — удивился я.

— Единственный на весь мир частный детектив-консультант, — уточнил мой друг. — В криминалистике я — последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс заходят в тупик (а это, кстати сказать, их обычное состояние), дело выносится на мой суд. Я, как эксперт, изучаю факты и высказываю мнение специалиста. И за свою помощь я ничего не прошу. В газетах мое имя не гремит. Лучшей наградой для меня служит возможность применить на практике свои своеобразные таланты. Да вы и сами могли видеть, как я работаю, вспомните дело Джефферсона Хоупа.

— Это точно, — поддержал я его. — Никогда в жизни я так не удивлялся, как тогда. Я даже описал эти события в небольшой повести и выпустил ее под несколько странным названием «Этюд в багровых тонах».

Холмс уныло покачал головой.

— Я как-то брал в руки эту брошюру. Если честно, не могу вас похвалить. Дедукция является точной наукой, или должна быть таковой, и относиться к ней нужно серьезно, без лишней чувствительности, как это сделали вы. Представьте себе, что кто-то вплеп романтическую историю или любовный треугольник в пятый постулат Эвклида*. У вас получился примерно такой же результат.

— Но ведь в деле Джефферсона Хоупа действительно присутствовала романтическая история, — запротестовал я. — Я же не мог исказить факты.

— Некоторые факты нужно было опустить, или, по крайней мере, уделить им не так много внимания. Во всем этом деле единственным заслуживающим упоминания пунктом

была та любопытная цепочка логических выводов, которая привела меня от следствий к причинам, в результате чего преступление и было раскрыто.

Признаться, меня сильно огорчила эта критика, тем более что повесть-то я написал специально, чтобы сделать Холмсу приятное. Кроме того, его эгоистичная уверенность в том, что каждая строчка моего сочинения должна была быть посвящена исключительно ему и его методу меня порядком раздражала. За годы, проведенные на Бейкер-стрит, под одной крышей с Шерлоком Холмсом, я не раз замечал, что за взвешенным характером моего друга и его вечной привычкой поучать скрывается тяга к тщеславию. Но я решил все-таки не высказывать эти мысли вслух. С отрешенным видом я стал массировать раненую ногу. Когда-то в нее угодила пуля, выпущенная из афганского джезайла*, и, хоть я и не утратил возможности ходить, при каждой перемене погоды рана сильно болела.

— Недавно я стал работать и на континенте, — немного помолчав, сказал Холмс, набивая свою старую вересковую трубку. — На прошлой неделе ко мне за консультацией обратился Франсуа Ле Виллар, который, вы, наверное, слышали, с некоторых пор считается одним из лучших детективов Франции. Он наделен кельтской смекалкой, но ему не хватает практических знаний в очень многих областях, а без этого он не сможет развиваться дальше. Дело касалось одного завещания, и в нем было несколько довольно любопытных особенностей. Я указал Виллару на два похожих случая, происшедших в Риге в 1857 году и в Сент-Луисе в 1871, что и подсказало ему верное решение. Вот письмо с благодарностью от него, которое я получил сегодня утром.

Мой друг бросил на стол помятый листок бумаги с иностранными водяными знаками. Я пробежал глазами сие послание, избилующее восторженными словами, пересыпанное всевозможными «magnifique», «coup-de-maitre» и «tour-de-

force»¹, свидетельствующими о неподдельном восхищении француза.

— Похоже на письмо ученика наставнику, — заметил я.

— О, Виллар переоценивает мою помощь, — отмахнулся Шерлок Холмс. — Он сам достаточно талантлив. У него есть два из трех необходимых идеальному сыщику качеств. Он умеет наблюдать и делать выводы. Единственное, чего ему не хватает, — знания, а это дело наживное. Сейчас он переводит на французский мои работы.

— Ваши работы?

— А вы разве не знали? — рассмеялся Холмс. — Да, признаюсь, есть такой грех. Я написал несколько монографий по техническим вопросам. Например, «Об отличиях между пеплом различных сортов табака». В этой монографии я описываю сто сорок видов сигарного, сигаретного и трубочного табака. Издание снабжено цветными иллюстрациями. Тема эта постоянно всплывает на уголовных судах, поскольку табачный пепел может иметь огромное значение как улика. Вот, скажем, если вам точно известно, что какое-то убийство было совершено человеком, курившим индийский табак, это ведь наверняка уменьшит поле для поисков. Опытному глазу разница между черным пеплом индийского трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза»* видна так же, как разница между капустой и картошкой.

— Ваше умение замечать мелочи всегда меня поражало, — заметил я.

— Я просто понимаю, насколько они важны. Еще я написал монографию о том, как читать следы, где упомянул и об использовании гипса для снятия слепков. Есть еще

---

¹ «Magnifique», «coup-de-maitre», «tour-de-force» — блестяще, мастерский ход, проявление таланта (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.).

одна любопытная работа о влиянии профессии человека на форму руки, снабженная литографиями отпечатков рук кровельщиков, матросов, резчиков коры пробкового дерева, композиторов, ткачей и шлифовальщиков алмазов. Мои работы имеют огромное практическое значение для детективов, относящихся к своей профессии как к науке... Последняя — особенно в тех случаях, когда нужно опознать труп или выяснить, чем раньше занимался преступник. Однако я вас уже утомил рассказом о своем увлечении.

— Вовсе нет, — искренне возразил я. — Мне это очень интересно, особенно потому, что я имею возможность наблюдать применение этих знаний на практике. Но вот вы только что разграничили умение наблюдать и умение делать выводы. Однако наверняка одно в какой-то мере предполагает другое.

— Не совсем так, — сказал Холмс, устраиваясь поудобнее в кресле и выпуская густое голубоватое кольцо дыма из трубки. — Например, я вижу, что сегодня утром вы побывали в почтовом отделении на Уигмор-стрит, но лишь благодаря умению делать выводы я узнал, что вы ходили туда за тем, чтобы отправить телеграмму.

— Верно! — воскликнул я. — И то, и то в точку! Хотя, если честно, я совершенно не понимаю, как вы об этом догадались. Решение сходить туда пришло мне внезапно, и я никому об этом не рассказывал.

— Это было просто, — улыбнулся он, видя мое удивление. — Настолько просто, что тут и объяснять нечего. Хотя этот пример действительно служит хорошей иллюстрацией того, где проходит граница между умением наблюдать и умением делать выводы. Я видел, что к вашей подошве прилип маленький красноватый комочек земли. Прямо напротив почты на Сеймур-стрит ремонтируют дорогу, там сняли покрытие с тротуара и разбросали землю, так что зайти в здание, не наступив на грязь, почти невозможно. Земля в этом месте имеет